

УДК 316.33

DOI: 10.24866/1998-6785/2017-4/95-104

*Винокурова А.В.
Vinokurova A.V.*

Жизненные стратегии и повседневные практики семей узбекских трудовых мигрантов (на примере Приморского края).

The life strategies and everyday practices of families of Uzbek migrant workers (on the example of Primorye territory)

В настоящее время в Приморье по числу трудовых мигрантов граждане Узбекистана занимают лидирующее положение. В работе рассматриваются жизненные стратегии и повседневные практики семей выходцев из Узбекистана. Результаты проведённого нами исследования позволили выявить направленность их стратегических ориентаций. Также исследование показало, что в семьях узбекских трудовых мигрантов имеет место сохранение традиционных ценностей (приоритет старших поколений, соблюдение национальных обычаев).

Ключевые слова: *социально-экономическое развитие региона, Приморский край, миграционные процессы, семьи трудовых мигрантов, выходцы из Узбекистана, жизненные стратегии, повседневные практики*

Currently in Primorye, according to the number of labor migrants are citizens of Uzbekistan takes the leading position. The paper discusses life strategies and everyday practices of families of immigrants from Uzbekistan. The results of our studies revealed a focus of their strategic orientations. The study also showed that in families of Uzbek labor migrants is the preservation of traditional values (the priority of the older generations, respect for national customs).

Key words: *socio-economic development of the region, Primorye territory, migration, families of migrant workers, natives from Uzbekistan, life strategies, everyday practices*

Современный этап развития общества сопровождается кардинальными преобразованиями и чаще всего определяется как социальная трансформация, под которой мы понимаем относительно быстрые, глубокие и качественные изменения во всех областях жизнедеятельности, в том числе и в сфере миграции. Россия, как и многие европейские страны, также столкнулась с этой проблемой, будучи привлекательной для мигрантов, в первую очередь, для выходцев из бывших республик СССР.

Несмотря на то, что основными «магнитами» для трудовых мигрантов являются такие мегаполисы, как Москва, Санкт-Петербург и др.,

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №17-03-50032 а(ф)

ВИНОКУРОВА Анна Викторовна, к.с.н., доцент департамента социальных и психологических наук ДВФУ (г. Владивосток). **E-mail:** vinokurova77@mail.ru

города Дальнего Востока также выступают центрами притяжения. Это связано с реализацией крупных инвестиционных проектов в Дальневосточном федеральном округе (ДФО): освоение нефтегазовых месторождений на Сахалине, месторождений вольфрамовых руд на севере Приморья, нефтепроводная система «Восточная Сибирь – Тихий океан», создание судостроительного комплекса «Звезда», строительство транспортного узла «Находка – Восточный», «Свободный порт Владивосток» и пр.

Приморский край является наиболее благоприятной территорией с точки зрения климатических, экономических и транспортных условий среди всех субъектов, входящих в Дальневосточный федеральный округ. Здесь благоприятный климат (среднегодовая температура +4,60 С), протяжённая береговая линия, множество удобных для заходов судов бухт, включая незамерзающие, часть бухт являются глубоководными. В Приморье имеется мощный экономический потенциал: морские порты с общим объёмом перевалки грузов в 2016 году в 114,3 млн тонн [12], густая железнодорожная сеть, автодорожная сеть с плотностью в 1,5 раза выше среднероссийской [22], развитая электросетевая структура, авиастроительные, судоремонтные, приборостроительные, автосборочные, механические, горнодобывающие предприятия, производства по переработке биологических ресурсов суши и моря, строительных материалов, другие предприятия.

Поэтому вполне закономерно, что Приморье – это самый заселённый дальневосточный регион, где сосредоточены наибольшие демографические ресурсы и трудовой потенциал (см. табл. 1).

Сведения табл. 1 показывают, что на 1 января 2017 г. численность населения Приморского края составляет около 2 млн чел. В других крупных дальневосточных регионах жителей значительно меньше. Так, в Хабаровском крае население примерно на полмиллиона меньше, а в Якутии – почти на миллион. Несмотря на относительное благополучие на фоне других субъектов ДФО, в Приморье сохраняется негативная демографическая ситуация. За 2016 г. число жителей Приморского края уменьшилось в среднем на 5,5 тыс. чел. [21].

Как мы отмечали ранее, при сложившейся в Приморье демографической структуре ожидать существенного роста рождаемости не приходится, поэтому в ближайшей перспективе в качестве основного источника демографического развития Приморского края следует рассматривать именно миграционный прирост [7, с. 48]. Начиная с 2010 г., по количеству прибывающих в Приморье мигрантов лидируют граждане Узбекистана [6]. Это подтверждается и статистическими данными (см. табл. 2)¹.

К этому можно добавить, что численность представителей узбекской национальности, постоянно проживающих на территории Приморского края, неуклонно растёт. Об этом свидетельствуют данные переписей 1989, 2002, 2010 гг. (см. табл. 3).

Таким образом, узбеки относятся к одной из 10 наиболее многочисленных национальностей, проживающих в Приморье – от 2 тыс. чел. и выше. Кроме того, их численность в период 1989–2010 гг. увеличилась практически втрое.

Анализируя специфику поведения трудовых мигрантов из государств Средней Азии, мы, как и многие исследователи [4; 8; 14; 24], делаем акцент на проблемах, связанных с их включенностью в социокультурную среду принимающего сообщества. В частности, можно обозначить сложности во взаимодействии с коренным населением в пло-

¹ Сведения предоставлены информированным источником из Управления по вопросам миграции Управления МВД России по Приморскому краю

Таблица 1. Численность населения в субъектах Дальневосточного федерального округа на 1 января 2017 г. (чел.)

Субъект ДФО	Численность населения (чел.)
Амурская область	801 752
Еврейская автономная область	164 217
Камчатский край	314 729
Магаданская область	145 570
Приморский край	1 923 116
Республика Саха (Якутия)	962 835
Сахалинская область	487 344
Хабаровский край	1 333 294
Чукотский автономный округ	49 822

Источник: [21].

скости «свой – чужой» / «мы – они», жилищно-бытовую неустроенность, сложности в процессе трудоустройства, негативные психологические переживания (тревожность, страхи, агрессия и т.п.), девиантные проявления, трудности некоторой части мигрантов в освоении русского языка.

Другими словами, для большинства мигрантов из стран Средней Азии, в том числе и из Узбекистана, на первый план выдвигается проблема интеграции в принимающем региональном сообществе. Эффективность и позитивное направление этого процесса зависит и от семейных взаимоотношений. В условиях адаптации на новом месте жительства семья для человека остаётся психологическим убежищем, сферой удовлетворения потребностей в общении и эмоциональном контакте, признании и самореализации.

Семья является одним из объектов, активно изучаемым в социологической науке. Так, авторы, придерживающиеся «кризисной» парадигмы, рассматривают семейные изменения как выражение деформации семейного образа жизни [см. подробнее: 1; 25]. Несмотря на ряд негативных тенденций, наблюдаемых в сфере семейных отношений, мы разделяем мнение представителей «модернизационной» парадигмы, которые отмечают, что в процессе трансформации современной семьи наблюдаются и позитивные явления [см. подробнее: 9; 11].

Категории, репрезентирующие концепт «жизненные стратегии», исследовались, в той или иной степени, представителями разных направлений. Прежде всего, идея сознательной ориентации поведения человека нашла свое отражение в социологии повседневности. В частности, в феноменологии разработаны концепции субъективности и интерсубъективности поведения личности (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман), стратегического действия и взаимодействия (И. Гофман). В символическом интеракционизме (У. Томас, Ф. Знанецкий, Дж. Мид) рассматривается роль символов и значений в интерпретации людьми жизненной ситуации, конструировании ими действий [см. подробнее: 5; 10; 17; 26; 27].

Таблица 2. Основной поток иностранных трудовых мигрантов, въехавших в Приморский край за январь-декабрь 2016 г. (чел.)

Государство	Количество иностранных граждан, прибывших на территорию Приморского края с целью осуществления трудовой деятельности (чел.)
Узбекистан	43 877
КНР	42 702
КНДР	6 937
Кыргызстан	3 997
ВСЕГО:	97 513

Источник: составлено автором.

В отечественной социологии также следует отметить ряд подходов, в которых глубоко анализировались различные аспекты стратегического поведения личности: диспозиционной регуляции социального поведения (В.А. Ядов), целенаправленного поведения (Н.Ф. Наумова), жизненных ценностей (Н.И. Лапин) [см. подробнее: 16; 19; 28]. В настоящее время активный научный поиск учёных в области жизненных стратегий личности и групп объективно стимулируется социальной ситуацией, интенсивно и противоречиво изменяющейся в ограниченных временных рамках и, как следствие, преобразующей жизнь людей, их стратегии. Определёнными «вехами» в исследовании жизненных стратегий личности являются работы Ю.М. Резника и Т.Е. Резник. В них интегрируются выводы многих зарубежных и отечественных авторов, определяются специфика, механизм, типы стратегий [23].

В то же время, на наш взгляд, жизненные стратегии семей трудовых мигрантов, проживающих в иноязычной, инокультурной среде принимающего регионального сообщества изучены недостаточно. Существенный вклад в разработку данной тематики внесли С.А. Арутюнов, Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, В.И. Мукомель и др. [см. подробнее: 2; 3; 13; 18]. Ими было заложено инструментальное понимание этничности, обеспечивающее этническую интеграцию и дифференциацию общества.

Что касается анализа культурных аспектов интеграции трудовых мигрантов в принимающем дальневосточном сообществе, то здесь, в первую очередь, следует отметить коллективную монографию «Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.)» (2014). Особый интерес представляет анализ этномиграционных аспектов социально-политической безопасности на российском Дальнем Востоке [15]. В то же время обращения дальневосточных авторов к теме жизненных стратегий и повседневных практик мигрантов и переселенцев из мусульманских государств, в том числе и стран Средней Азии (в частности, Узбекистана), с позиций социологии крайне редки.

Именно поэтому нами было проведено исследование, направленное на выявление жизненных стратегий и соответствующих им повседневных практик семей узбекских трудовых мигрантов, проживающих в Приморье. Исследование носило разведывательный характер, пилотаж проводился в апреле 2017 г., основные полевые работы – летом 2017 г. Основной метод сбора информации – неформализованное интервью. В качестве респондентов выступали члены семей выходцев из Узбекиста-

Таблица 3. Национальный состав населения Приморского края

	чел.			в % к указавшим национальную принадлежность		
	1989	2002	2010	1989	2002	2010
Все население	2256072	2071210	1956497			
в том числе: указавшие национальную принадлежность	2255927	2052171	1811570	100	100	100
из них: Русские	1960554	1861808	1675992	86.91	90.72	92.52
Украинцы	185091	94058	49953	8.20	4.58	2.76
Корейцы	8454	17899	18824	0.37	0.87	1.04
Татары	20211	14549	10640	0.90	0.71	0.59
Узбеки	3356	1634	8993	0.15	0.08	0.50
Белорусы	21954	11627	5930	0.97	0.57	0.33
Армяне	2388	5641	5924	0.11	0.27	0.33
Азербайджанцы	2981	4411	3937	0.13	0.21	0.22
Китайцы	159	3840	2857	0.01	0.19	0.16
Мордва	9193	4307	2223	0.41	0.21	0.12
Немцы	4194	3578	2087	0.19	0.17	0.12
Чуваши	5129	3287	1960	0.23	0.16	0.11
Таджики	546	743	1885	0.02	0.04	0.10
Башкиры	2763	2101	1564	0.12	0.10	0.09
Молдаване	3755	2288	1433	0.17	0.11	0.08
Киргизы	707	453	1424	0.03	0.02	0.08
Казахи	2459	1296	1235	0.11	0.06	0.07

Источник: [20].

на в возрасте старше 18 лет, прибывшие в Приморский край не более одного года назад. В ходе проведения эмпирического исследования было получено 24 интервью. Основную часть наших информантов составляют супружеские пары (т.е. их официальный семейный статус может быть обозначен как «женат» или «замужем»), за исключением 2 человек, которые имеют официальный семейный статус как «холост / не замужем», но в ближайшее время планируют вступить в брак. Все респонденты имеют образование не ниже полного (общего) среднего. О своих локациях (городское поселение, сельская местность и т.п.) в стране происхождения информанты говорили неохотно, поэтому объективной картины их распределения по данному критерию нам составить не удалось. Все полу-

ченные в ходе проведения интервью кейсы мы условно разделили на следующие основные группы.

Первую категорию семей узбекских трудовых мигрантов можно обозначить как «разделённую семью». Это означает, что одна часть семьи проживает в данный момент в Приморье, другие же члены этой семьи остались в Узбекистане. *«Мы с женой и маленькими детьми – здесь, а старшая дочь – там... дома... в Узбекистане осталась. Чего её дёргать? Она школу в этом году заканчивает, пусть спокойно доучится...»* (мужчина, узбек, таксист, 42 года). Как выяснилось, за такой непростой жизненной ситуацией стоит вполне рациональная система. *«Здесь детям лучше... В том смысле, что школа, больница... Хотя тяжело было устроить их в школу, но мы смогли...»* (женщина, узбечка, официантка, 37 лет). В целом, наши информанты положительно оценивают свои жизненные перспективы, планируют в дальнейшем остаться в Приморье на постоянное место жительства. Хотят, чтобы старшая дочь получала высшее образование уже в России. В данном кейсе наличие нескольких инновационных элементов жизненного уклада: стремление к накоплению социокультурного капитала (поощрение общения детей-школьников с русскими одноклассниками, поиск возможностей для повышения уровня владения русским языком); изменение социального статуса женщины (желание дать дочери образование, занятость матери вне дома) и др. Жизненная стратегия носит долгосрочный характер в плане закрепления на территории пребывания.

Следующую категорию семей выходцев из Узбекистана мы условно определили как «временный союз». В этом случае речь идёт о том, что мужчина-мигрант имеет в Узбекистане законную семью (жену, детей), но в настоящее время совместно проживает с россиянкой, т.е. этот тип семейных отношений можно обозначить как фактическое сожительство. *«Да, конечно, он деньги им переводит, звонит детям, вот уезжал в Узбекистан... так... ненадолго, на неделю... Но в основном-то, он здесь со мной, я для него больше жена, чем там...»* (женщина, русская, продавец, 31 год). Можно предположить, что жизненный уклад опирается на наличие определённого социального статуса. Для женщины важен статус жены, и для неё не имеет принципиального значения, что брак не зарегистрирован, главное – «быть при мужчине». Для партнёра-мигранта также имеется ряд преимуществ: решение жилищного вопроса, нормальная организация быта и пр. *«Так легче получить более оплачиваемую работу, меньше расходов, вообще во всём проще...»* (мужчина, узбек, строитель, 29 лет). Жизненная стратегия амбивалентная, на первом плане – социально-статусная функция семьи. Но в такой ситуации мужчина-мигрант имеет больше предпочтений, чем его фактическая жена-россиянка. Женщины, состоящие в подобных союзах, часто подвергаются осуждению со стороны своих родственников, других представителей ближайшего окружения.

К этому можно добавить, что в настоящее время усиливается тенденция и к заключению официальных браков между трудовыми мигрантами – гражданами Узбекистана и россиянками. Вот показательная цитата из интервью с одним из наших информантов *«... Узбекистан не входит в Таможженный союз... Нам сложнее, чем тем же киргизам... Как вариант, можно получить российское гражданство, а затем и работу хорошую... Гражданство сложно получить, но если жениться, то проще... А что такого? Если девушка хорошая, если родители не против, то почему нет?..»* (мужчина, узбек, 24 года, рабочий).

Мы солидарны с мнением Т.И. Барсуковой и Л.А. Часовской. В настоящее время действительно меняется отношение родителей женихов-мусульман к вопросу создания семейного союза с российскими де-

вушками, которые не всегда принадлежат к мусульманскому сообществу. Другими словами, появляется новая социальная практика. Если раньше подобные союзы воспринимались достаточно критично, то сейчас такая реакция стала редкостью. На сегодняшний день браки узбеков с россиянками всё чаще заключаются с благословения родных, которые даже отправляются на свадьбу в Россию и оказывают финансовую помощь в организации торжества [4, с. 10].

Ещё одна категория семей обозначается нами как «циркулирующая семья». В качестве показательного примера можно привести одну из семей наших информантов. Это супружеская пара и их взрослый сын, которые приехали на заработки. *«У старших детей уже свои семьи, дети... А младший с нами... Ему на свадьбу и приехали заработать... Мне проще, я уже бывал в разных российских городах на заработках... Везде земляки помогают, что, куда, где есть работа... Деньги всегда нужны, а сейчас вообще... Много расходов, калым и всё такое...»* (мужчина, узбек, строитель, 57 лет). *«Он у нас младший сын... Родители должны жить с его семьёй вместе... Накопим денег и домой... Там всё же лучше, дом как-никак... Здесь мне очень тяжело...»* (женщина, узбечка, помощница по дому, 52 года). *«Да, деньги нужны, вот и приехали... Но в планах вернуться и жить там...Хотя, кто знает? Часто бывает так, что потом периодически ещё и ещё приезжаешь в Россию на заработки, если дома работы нет...»* (мужчина, узбек, строитель, 23 года).

Таким образом, доминируют традиционные элементы жизненного уклада: стремление в соответствии с обычаем организовать свадьбу, неоднократное указание на то, что младший сын и его семья должны жить вместе с его родителями и т.п. Жизненная стратегия краткосрочная, предполагается возвращение к постоянному месту жительства. Хотя представители более молодого поколения не исключают для себя возможности в будущем повторить опыт трудовой миграции, если нынешний окажется успешным.

В целом, полученные нами результаты показывают, что в семьях узбекских трудовых мигрантов имеет место сохранение традиционных повседневных практик и соответствующих им жизненных стратегий (приоритет старших поколений, многообразные родственные связи, высокие репродуктивные и матримониальные установки, соблюдение национальных обычаев). Но в то же время наблюдается распространение социальных практик, связанных с новациями в жизненных стратегиях. В качестве таковых можно обозначить трансформацию гендерных ролей, включая, в первую очередь, изменение как семейного, так и социального статуса женщины. Изменяются не только межличностные отношения супругов, отношения с родственниками, но и сам облик семей трудовых мигрантов.

Мы полагаем, что сохранение традиционного уклада и привнесение в него новых элементов даёт семьям узбекских трудовых мигрантов больше возможностей для успешной адаптации в условиях принимающего иноязычного, инокультурного регионального сообщества.

Литература

1. Антонов А.И. Кризис фамилистической цивилизации в XXI веке // Экономические стратегии. 2016. Т. 18. № 1 (135). С. 40–43.
2. Арутюнов С.А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне. М.: ИНФРА-М, 2012. 416 с.
3. Арутюнян Ю.В. Об этнических диаспорах в российской среде // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 34–44.
4. Барсукова Т.И., Часовская Л.А. Трансформация семейно-браного поведения трудовых мигрантов // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 7. С. 9–12.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
6. В гостях как дома. Интервью руководителя УФМС по Приморскому краю М. Белобородова «Российской газете» (дата публикации: 17.10.2013) // Интернет-портал «Российской газеты» [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2013/10/17/reg-dfo/migranty.html> (дата обращения: 09.10.2017).
7. Винокурова А.В. Динамика развития демографических процессов в Приморском крае: социологический анализ // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № S14. С. 46–50.
8. Винокурова А.В., Ардальянова А.Ю. Мигранты в Приморье: мнения, суждения, оценки // Вестник Института социологии. 2016. № 1(16). С. 43–55.
9. Голод С.И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 40–49.
10. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-пресс, 2000. 304 с.
11. Гурко Т. А. Институт семьи в постиндустриальных обществах // Ценности и смыслы. 2011. № 4. С. 26–44.
12. Деятельность морских портов России: итоги 2016 года (дата публикации: 13.01.2017) // Портал «SUDOSTROENIE.INFO» [Электронный ресурс]. URL: <http://sudostroenie.info/novosti/18060.html> (дата обращения: 10.10.2017 г.).
13. Дробижева Л.М. Вариации адаптационного потенциала населения к растущему этническому многообразию // Россия реформирующаяся. 2016. № 14. С. 379–394.
14. Ерохина Е.А. Доминирующее большинство и диаспоры в этническом пространстве сибирского города // Сибирский философский журнал. 2015. Т. 13. № 4. С. 120–126.
15. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.): в 2 кн. / под общ. ред. д.и.н. А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 360 с.
16. Лапин Н. И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и её регионов // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 28–36.
17. Мид Дж. Г. Философия настоящего. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 272 с.
18. Мукомель В.И. Свои «иные»: внутрироссийские иноэтничные мигранты в Московском мегаполисе // Федерализм. 2015. № 1(77). С. 79–92.
19. Наумова Н.Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 5–22.
20. О демографических характеристиках населения отдельных национальностей Приморского края (доклад по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года) (дата публикации: 04.09.2012 г.). // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю [Электронный ресурс]. URL: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/resources/de9679004cd4cdadb6e0f71cb077b59e/%D0%9D%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D

0%BD%D1%8B%D0%B9+%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D1%80%D0%B5%D1%82+%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D1%80%D1%8C%D1%8F+%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BB%D1%81%D1%8F.htm (дата обращения: 12.11.2017 г.).

21. Оценка численности постоянного населения на 1 января 2017 года и в среднем за 2016 год (дата публикации: 10.03.2017) // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 07.10.2017 г.).

22. Постановление Администрации Приморского края от 07.12.2012 г. № 382-па Об утверждении государственной программы Приморского края «Экономическое развитие и инновационная экономика Приморского края» на 2013-2020 годы. 2012 // Официальный сайт Администрации Приморского края [Электронный ресурс]. URL: <http://www.primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/state-programs.php> (дата обращения: 12.10.2017 г.).

23. Резник Т.Е., Резник Ю.М. Жизненное ориентирование личности: анализ и консультирование // Социологические исследования. 1996. № 6. С. 110–119.

24. Самойлюк Н.В. Незаконная миграция и региональная безопасность // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 3. С. 43–50.

25. Синельников А.Б. Брачность и рождаемость без двойных гендерных стандартов // Демоскоп Weekly. 2017. № 725–726. С. 1–10.

26. Томас У., Знанецкий Ф. Польский крестьянин в Европе и Америке // Контексты современности. Хрестоматия. Казань : АБАК, 1998. С. 141–225.

27. Шюц А. Возвращающийся домой // Социологические исследования. 1995. № 2. С. 139–142.

28. Ядов В.А. Возможности совмещения теоретических парадигм в социологии // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 5–19.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Antonov A.I. Krizis familisticheskoy tsivilizatsii v XXI veke // *Ekonomicheskie strategii*. 2016. T. 18. № 1 (135). S. 40–43.

2. Arutyunov S.A. Siluehty ehtnichnosti na tsivilizatsionnom fone. M.: INFRA-M, 2012. 416 s.

3. Arutyunyan YU.V. Ob ehtnicheskikh diasporakh v rossijskoy srede // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2013. № 7. S. 34–44.

4. Barsukova T.I., Chasovskaya L.A. Transformatsiya semejno-branogo povedeniya trudovykh migrantov // *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 2016. № 7. S. 9–12.

5. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sotsiologii znaniya. M.: Medium, 1995. 323 s.

6. V gostyakh kak doma. Interv'yu rukovoditelya UFMS po Primorskomu krayu M. Beloborodova «Rossijskoy gazete» (data publikatsii: 17.10.2013) // Internetportal «Rossijskoy gazety» [Elektronnyj resurs]. URL: <https://rg.ru/2013/10/17/reg-dfo/migranty.html> (data obrashheniya: 09.10.2017).

7. Vinokurova A.V. Dinamika razvitiya demograficheskikh protsessov v Primorskom krae: sotsiologicheskij analiz // *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. № S14. S. 46–50.

8. Vinokurova A.V., Ardalyanova A.YU. Migranty v Primor'e: mneniya, suzhdeniya, otsenki // *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2016. № 1(16). S. 43–55.

9. Golod S.I. Sotsiologo-demograficheskij analiz sostoyaniya i ehvolyutsii sem'i // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2008. № 1. S. 40–49.

10. Gofman I. Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoj zhizni. M.: KANONpress, 2000. 304 s.

11. Gurko T. A. Institut sem'i v postindustrial'nykh obshhestvakh // TSennosti i smysly. 2011. № 4. S. 26–44.
12. Deyatel'nost' morskikh portov Rossii: itogi 2016 goda (data publikatsii: 13.01.2017) // Portal «SUDOSTROENIE.INFO» [Elektronnyj resurs]. URL: <http://sudostroenie.info/novosti/18060.html> (data obrashheniya: 10.10.2017 g.).
13. Drobizheva L.M. Variatsii adaptatsionnogo potentsiala naseleniya k rastushhemu ehnticheskomu mnogoobraziyu // Rossiya reformiruyushhayasya. 2016. № 14. S. 379–394.
14. Erokhina E.A. Dominiruyushhee bol'shinstvo i diaspory v ehnticheskom prostranstve sibirskogo goroda // Sibirskij filosofskij zhurnal. 2015. T. 13. № 4. S. 120–126.
15. Istoricheskie problemy sotsial'no-politicheskoy bezopasnosti rossijskogo Dal'nego Vostoka (vtoraya polovina XX – nachalo XXI v.): v 2 kn. / pod obshh. red. d.i.n. A.S. Vashhuk. Vladivostok: IAEH DVO RAN, 2014. 360 s.
16. Lapin N. I. Funktsional'no-orientiruyushhie klasteri bazovykh tsennostej naseleniya Rossii i eyo regionov // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2010. № 1. S. 28–36.
17. Mid Dzh. G. Filosofiya nastoyashhego. M.: Izd. dom Vysshej shkoly ehkonomiki, 2014. 272 s.
18. Mukomel' V.I. Svoi «inye»: vnutrirossijskie inoehntichnye migranty v Moskovskom megapolise // Federalizm. 2015. № 1(77). S. 79–92.
19. Naumova N.F. ZHiznennaya strategiya cheloveka v perekhodnom obshhestve // Sotsiologicheskij zhurnal. 1995. № 2. S. 5–22.
20. O demograficheskikh kharakteristikakh naseleniya otdel'nykh natsional'nostej Primorskogo kraja (doklad po itogam Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 goda) (data publikatsii: 04.09.2012 g.). // Ofitsial'nyj sayt Territorial'nogo organa Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Primorskomu kraju [Elektronnyj resurs]. URL: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/resources/de9679004cd4cdadb6e0f71cb077b59e/%D0%9D%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D1%80%D0%B5%D1%82+%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D1%80%D1%8C%D1%8F+%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BB%D1%81%D1%8F.htm (data obrashheniya: 12.11.2017 g.).
21. Otsenka chislennosti postoyannogo naseleniya na 1 yanvarya 2017 goda i v srednem za 2016 god (data publikatsii: 10.03.2017) // Ofitsial'nyj sayt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (data obrashheniya: 07.10.2017 g.).
22. Postanovlenie Administratsii Primorskogo kraja ot 07.12.2012 g. № 382-pa Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Primorskogo kraja «EHkonomicheskoe razvitie i innovatsionnaya ehkonomika Primorskogo kraja» na 2013-2020 gody. 2012 // Ofitsial'nyj sayt Administratsii Primorskogo kraja [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/state-programs.php> (data obrashheniya: 12.10.2017 g.).
23. Reznik T.E., Reznik YU.M. ZHiznennoe orientirovanie lichnosti: analiz i konsul'tirovanie // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1996. № 6. S. 110–119.
24. Samojlyuk N.V. Nezakonnaya migratsiya i regional'naya bezopasnost' // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2013. № 3. S. 43–50.
25. Sinel'nikov A.B. Brachnost' i rozhdaemost' bez dvojnykh gendernykh standartov // Demoskop Weekly. 2017. № 725–726. S. 1–10.
26. Tomas U., Znanetskij F. Pol'skij krest'yanin v Evrope i Amerike // Konteksty sovremennosti. KHrestomatiya. Kazan': ABAK, 1998. S. 141–225.
27. SHyuts A. Vozvrashhayushhijsya domoj // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1995. № 2. S. 139–142.
28. YAdov V.A. Vozmozhnosti sovmeshheniya teoreticheskikh paradigmat v sotsiologii // Sotsiologicheskij zhurnal. 2003. № 3. S. 5–19.